

УДК 8.82.01/09.82.09

*М.А. Ахметова***ТЕМА ГОЛОДА В ПОВЕСТИ Г. ИБРАГИМОВА «АДЭМНЭР» («ЛЮДИ»):
КРИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ**

Повесть Галимджана Ибрагимова «Люди» в разные эпохи оценивалась литературоведами с различных точек зрения. С середины 1920–1930 гг. – вульгарно-социологические трактовки послужили основой для исключения повести из истории татарской литературы на долгие годы. После многолетнего периода замалчивания, в 1950–1970-х гг. объектом критики стали излишне натуралистические описания, не до конца выдержанная идейно-художественная направленность повести, наличие в ней пассивного гуманизма и непонимание принципов социалистического реализма. Иные взгляды и оценки появляются в годы перестройки, бесцензурного хаоса в литературе, искусстве, когда все «запрещённые» произведения начали публиковаться, естественно вызывая широкий отклик специалистов. Современные исследования убеждают, что повесть Г. Ибрагимова не утратила актуальности по сей день, – как с позиций историко-литературных, так и с сугубо эстетических. Сопоставительный анализ литературоведческих прочтений художественных произведений о голоде, написанных в различные эпохи, позволил ощутить влияние времени на эстетические трактовки: от вульгарного социологизма, через прокрустово ложе социалистического реализма и натурализма к объективным характеристикам произведений в трудах учёных конца XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: Г. Ибрагимов, повесть «Люди», голод 1921 г., татарская литература, идеологические «шоры» соцреализма, литературный процесс 20–30-х годов XX столетия, натурализм.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-909-917

В 1920-е гг. татарская литература, как и вся советская, начинает испытывать идеологическое давление. Вульгарно-социологические трактовки художественных произведений становятся нормой, что наглядно прослеживается в оценках одного и того же произведения различными критиками. В качестве примера можно обратиться к характеристикам повести Г. Ибрагимова «Адэмнэр» («Люди»), данным в 1920-е и последующие годы. Цель статьи – обозначить запросы меняющейся конъюнктуры, повлиявшие на литературоведческие трактовки, выявить приспособленческие тенденции, характерные для критики 1930-х гг., наносящие существенный вред художественным достоинствам произведения. Идеологи от литературоведения «загоняли» писателей в прокрустово ложе соцреализма, формируя новую систему взаимоотношений между деятелями культуры, искусства, литературы и правящей верхушки. Задачей данной статьи является описание и систематизация историко-литературных источников, посвященных проблеме голода и повести Г. Ибрагимова «Люди», вышедших в свет, начиная с середины 1920-х годов и до настоящего времени.

Повесть Г. Ибрагимова «Люди», опубликованная в 1923 г. вызвала широкий отклик в литературно-критической и литературоведческой среде. Одним из первых на произведение откликнулся критик Гумер Тулумбайский (1900–1938). Оценивая особые успехи писателя, он был вынужден трактовать произведение с учетом идеологических установок своего времени, поэтому подчеркнул, что в произведении Г. Ибрагимова отражено индивидуально-личное видение проблемы голода. Желая угодить власти предрежащим, Тулумбайский упрекает Ибрагимова в том, что вне его поля зрения осталась работа руководства республики по борьбе с голодом и не описана иностранная помощь голодающим [19].

Другие критики следуют этой же тенденции, ищут в повести «Люди» то, чего не было – помощь, оказанную правительством голодающему населению. Советский литературовед, критик, общественный деятель Галимджан Нигмати (1897–1938) в газете «Эшче» («Рабочий») высказывает автору ряд замечаний по содержанию произведения, главное из них – излишняя и грубая натуралистичность [16]. Если люди с голоду едят собак, кошек, доходят до того, что едят себе подобных и даже своих детей, почему автор не показал, каким образом советская власть помогала голодающему населению? Он должен был описать эту помощь, но почему-то не сделал этого. Отсутствующая в реальности помощь советской власти голодающим не даёт критику покоя, и к этому вопросу Г. Нигмати возвращается и в 1925 г. [15]. Рассуждая о реализме и романтизме в татарской литературе, критик самым большим недостатком произведения считает отсутствие описания этой помощи. При чтении повести у читателя возникает ощущение, что советская власть ничего не делала, кроме отправки в сёла милиционеров для ареста людо-

едов. Исходя из этого, Нигмати приходит к выводу о том, что повесть «Люди» является самым идейно ущербным и слабым произведением Ибрагимова. Анализируя его послереволюционное творчество (речь идет, прежде всего, о романе «Наши дни», повестях «Красные цветы» и «Люди»), Г. Нигмати отмечает, что в них жизнь показана без прикрас, в своих натуралистических реалиях. Писатель-деревенщик, убеждает критик, не знает жизни нового села, советской деревни. Примером этого, по мнению Г. Нигмати, является повесть «Люди», в которой картины голода 1921 г. вызывают невольный ужас у читателя. Здесь и излишне натуралистические зарисовки людоедства, и описания нашествия голодных крестьян на город, и даже подаваемый в городских ресторанах суп из человеческого мяса. Позже, в 1928 г., Нигмати меняет своё мнение об этом произведении, называет его классическим и пишет, что повесть, хоть и глубоко пессимистична по своему содержанию, но всё же отражает огромный вред, нанесённый стране голодом 1921 г., поскольку бедствие унесло множество молодых жизней, которые могли принести пользу Отечеству.

В статье татарского советского писателя и политического деятеля Шамиля Усманова (1898–1937) делается попытка выяснить причины страшного голода, только автор их ищет не в политике государства, а где-то «там», «на стороне» [22. С. 150]. По его мнению, в голоде советского народа виноваты капиталистические государства, которые не оказали никакой заметной помощи голодающему населению молодой республики Советов, Поволжью. Писатель должен был зафиксировать масштаб бедствия и донести его до своих читателей, особенно до грядущих поколений, описать, как Советское государство жестоко наказывало людоедов и в то же время самоотверженно боролось за спасение голодающих, помогая им во всём. Вместо этого Г. Ибрагимов смакует какие-то странные натуралистические картины, как люди, потеряв от голода рассудок, резали, как скот, и поедали своих детей, описывает это с ненужной детализацией. Ш. Усманов ищет в повести проделанную советским правительством работу в борьбе с голодом и приходит к выводу, что произведение не является образцом пролетарской литературы, так как не описывает эту самую работу. По мнению Ш. Усманова, Г. Ибрагимов должен был изобличить главных виновников голодного бедствия, а не создавать картину ужасов, вызывая у читателей лишь внутреннее содрогание. Ш. Усманов, по мнению Г. Халита, «вовремя заметил промах своего старшего товарища» [24. С. 85].

Повесть Г. Ибрагимова осуждалась современниками за критику советской власти. Когда люди голодали, становились жертвами страшного бедствия, местные руководители партии жили на широкую ногу, даже праздновали дни рождения своих жён. На званом ужине в день рождения жены руководителя отдела городского здравоохранения многие чиновники забыли о беде страждущего населения. Ибрагимов с горечью описывает удивление людей, обнаруживших наутро покончившего жизнь самоубийством Гарая. Они спорили, нормален ли этот человек, зарезавший своего ребёнка, а затем накинувший петлю себе на шею. В отредактированный вариант повести (1931) данную сцену прозаик не включил.

Г. Нигмати на страницах газеты «Рабочий» защищает чиновников, отмечающих день рождения, когда вокруг люди умирали от голода и съедали своих детей [16]. Он считает взгляд писателя на трагедию голода обывательским и обвиняет его в буржуазных воззрениях.

Ш. Усманов на страницах журнала «Наш путь» высказывается еще жёстче. Он прямо обвиняет Г. Ибрагимова в сотрудничестве с белогвардейцами, к которым беспояционно относит Г. Исхаки и Ф. Туктарова, беспощадных врагов рабочих и крестьян [22].

Фрагменты повести, где критикуется местное общество, в котором вращался и сам Г. Ибрагимов, привлекают внимание Наки Исанбета (1899–1992), писавшего в это время под псевдонимом Мэргэн. На страницах газеты «Башкортостан» он пишет: «Г. Ибрагимов высказывает своё возмущение интеллигентными городскими врачами, проверяющими ясность разума человека, повесившегося от мук голода, он бросает им вызов» [14]. Воссозданные в произведении жизнь и психология героев дают возможность Н. Исанбету сделать вывод о том, что Г. Ибрагимов является «мелкобуржуазным писателем». Вместе с этим он подчеркивает и значительность произведения: «...это произведение без каких-либо сомнений достойно большой похвалы в нашей бедной прессе: и с исторической, и с художественной стороны».

Руководство страны выработало жёсткий план беспощадного изъятия зерновых и продуктовых запасов у крестьянства для передачи в города рабочим, не оставляя у землепашцев ни семенного фонда на будущую весну, ни продуктов, обеспечивающих пропитание семьи. Через продразвёрстку государство обрекло производителей хлеба и жителей городов на голод и невыносимые лишения. В повести

раскрывается губительная политика проведения продразверстки и продналога. Справедливо отметил литературовед А. Сахапов, что отзывы современных Г. Ибрагимову литературоведов и критиков привели к тому, что повесть была надолго, до начала 1990-х гг., вычеркнута из истории татарской литературы [18, с. 328], что раскритиковавшие повесть «Люди» Тулумбайский и Усманов, обвинившие Г. Ибрагимов в измене интересам литературы пролетариата, в конечном итоге погубили писателя.

Иную оценку произведению дал татарский историк, востоковед, писатель Газиз Губайдуллин (1887–1937) на страницах «Вестника научного общества Татароведения», отметивший, что экономическая разруха в стране довела массы людей до голода, людоедства и трупоедства, а Г. Ибрагимов, показав жуткие последствия голода, проследил разрушение психики тружеников-крестьян [8. С. 66]. Г. Губайдуллин хорошо понимал причины такого злодеяния, утверждая, что голод в Поволжье связан с ошибочной экономической политикой Советской власти. Г. Ибрагимов на примере одной татарской семьи показывает все ужасы душевных и телесных мук, трагичность сложившейся ситуации. Затуманившееся от голода сознание человека иллюстрирует трагизм происходящего. Устойчивая жизнь крепкого татарского села разрушена бездарным руководством республики, осторожно намекает автор статьи. Показана утрата голодными людьми человеческого облика, в результате чего они дошли до людоедства. Это психологическая зарисовка, имеющая глобальный, общечеловеческий характер. Положительную рецензию Г. Губайдуллина на повесть «Люди» Г. Халит оценивает, как «взгляд тех, кто еще не порвал со старыми представлениями о гуманизме в искусстве» [24. С. 85].

В 1925 г. на страницах журнала «Наш путь» (№ 5) Али Рахим опубликовал статью, в которой отметил «высокий размах и широту пера» Г. Ибрагимов. Повесть «Люди» оценивается в русле его «прекрасных вещей», таких, как «Казакъ кызы» («Дочь степей»), «Табигать балалары» («Дети природы»), «Безнең көннәр» («Наши дни»), «Кызыл чәчәкләр» («Красные цветы»).

Большинство современных Г. Ибрагимову литературоведов, считавших, что литература должна изображать только красоту, изящество, раскритиковало его за темные, горестные описания, невзрачные натуралистические краски. Литературовед и критик Гали Халит (Халитов) (1915–1992) отмечал, что «в рассказе “Люди” уделяется значительное место описанию голода в Поволжье 1921–1922 годов в ужасающе-дикой натуралистичности» [23. С. 30]. Во второй половине 1920-х гг. Г. Ибрагимов обвиняли в непонимании установок советской власти и, соответственно, в ошибочном воплощении ее политики. Сильное идеологическое давление вынуждало писателя прислушаться к высказанным критическим суждениям, результатом чего стала корректировка повести «Люди» в последующем издании.

В пятом томе собрания избранных произведений Г. Ибрагимов, опубликованном издательством «Яналиф» (1931), где и был впервые напечатан второй вариант повести «Люди», автор произведения отмечает, что отдельные его сочинения требуют изменений, корректировки некоторых описаний. Это привело к серьезным изменениям в структуре анализируемой повести, которые он сам, достаточно путано объяснял, поскольку ему, запуганному коллегами и властями, пришлось бороться с самим собой, с художником, создавшим это потрясающее душу творение. Он пытался убедить себя и читателей в том, что при каждом переиздании писатель должен творчески перерабатывать свой текст, поскольку за прошедшее от первой публикации время его мировоззрение может качественным образом измениться.

В книге «История татарской советской литературы» Г. Халит замечает, что включение во второй вариант повести «Люди» эпизода, в котором рассказывается о помощи советской власти голодающим, не повлияло на силу драматического воздействия этого произведения на читателя и не удовлетворило критиков. Там же отмечено, что в ряду замечательных произведений Г. Ибрагимов эта вещь отличается своей идейно-художественной неправдивостью: автор создает жуткие, трагические, безысходные картины, излишне натуралистичные, пессимистичные эпизоды. Описывая людей, потерявших человеческий облик, превратившихся в звероподобных хищников, Г. Ибрагимов не раскрыл достоверно, как власти отчаянно боролись за спасение населения от голода [11. С. 324–325]. Чуть позже Г. Халит вновь обратился к нашумевшему произведению Г. Ибрагимов и вновь обвинил писателя в сентиментализме за трагический, душераздирающий пафос повести. Добавление новых эпизодов, искусственные вставки о помощи вымирающему селу, пришедшей из города, никак не изменили общей тональности его произведения [24. С. 85].

В книге «Герои, рождённые революцией» Г. Халит, оценивая картину трагического хаоса в голодающей деревне, пишет о том, что писатель, скорее всего, растерялся перед стихийным бедствием, и ему никак не помогло мастерство художника-аналитика разобраться в происходящем. Увлёкшись

детальным описанием постепенной утраты людьми человечности, Г. Ибрагимов забрёл в дебри натурализма и не сумел выявить и охарактеризовать социальных причин бедствия, не увидел, какие усилия прилагало руководство республики и страны для спасения миллионов жизней. Попытку раскрытия конфликтных социальных отношений в период голода критик усматривает в создании образа кулака Намаджана, скряги, который наживается на народной беде, не помогает даже своим голодающим родным, хотя амбары его ломятся от множества товаров повседневного обихода и еды. В итоге голодные односельчане убивают его. Г. Халит приходит к выводу, что в повести не раскрыта социальная причина голода. Увлечение смакованием ужасов голода слили воедино безобразное и трагическое начала, в результате на первый план в повести вышли натуралистические и романтические описания, которые не должны быть основным стержнем произведения. Детали и мелкие подробности увели писателя в сторону от выводов общечеловеческого плана [24. С. 84-85].

Г. Халит, анализируя жизнь и творчество М. Гафури [25. С. 163-164], останавливается и на повести «Люди», указав на её пассивный гуманизм, сопереживание бедствующим. Г. Ибрагимова критик упрекает за то, что он не указывает причин трагедии, не даёт никаких политических и идеологических оценок происходящему, поэтому в его повести поверхностно изображен массовый голод. Г. Халит сваливает вину за него на внутренних и внешних врагов, которые довели молодую Советскую республику до катастрофы, введя против неё всяческие санкции и экономическую изоляцию.

В очередной его статье «Развитие эстетических взглядов Г. Ибрагимова после октябрьской революции» говорится, что повесть «Люди», где «события голодных лет обрисованы в трагическом и натуралистическом аспекте», построена по законам романтической эстетики, которая требует резкого противопоставления в описании человеческих взаимоотношений и страстей [26. С. 105].

Литературовед Хатип Усманов (1908–1992), связав голод в Поволжье с идеологией, беспелеционно заявляет, что он порождён контрреволюционными и империалистическими силами, которые заставили наш народ шесть лет проливать кровь на фронтах гражданской войны, а повесть Г. Ибрагимова «Люди» и сборник Маджита Гафури «В когтях голода» показали трагедию лишь с натуралистических позиций [20. С. 89]. Удивительно то, что даже спустя почти три десятилетия вывод Х. Усманова остался идентичным его предыдущей оценке [21. С. 25].

Осторожную оценку повести «Люди» в своё время дал профессор, государственный деятель Мансур Хасанов (1930–2010) в монографии «Галимджан Ибрагимов». Он один из немногих попытался выявить предысторию неоднозначного отношения современников и читателей последующих поколений к нашумевшему произведению. В разное время по-разному воспринималось отсутствие указания на социальные причины голода в повести «Люди», неоднозначно оценивалась роль Советской власти в борьбе с голодом. Нельзя было столь натуралистически откровенно показывать ужасные страдания людей, дошедших до людоедства и трупоедства. М. Хасанов считает, что критики, обвинявшие писателя в натурализме и отсутствии социальных характеристик, по-своему правы, поскольку Г. Ибрагимов сузил тему до описания несчастных крестьян, съедавших себе подобных, потерявших человеческий облик. При этом, считает автор монографии, в повести не раскрыты социально-исторические причины голода, погубившего миллионы жизней [29. С. 159].

Повесть «Люди» – это крик души художника, совестливого человека, который не мог не описать ту трагедию, в которую власть сознательно или бессознательно ввергла сотни тысяч людей и погубила их. Однако изобличать власть, как это делал его современник, классик татарской литературы Фатых Амирхан, Г. Ибрагимов не мог, будучи представителем правящей верхушки и являясь далеко не рядовым сотрудником Народного комиссариата просвещения ТАССР.

О наличии идейно-эстетических разногласий между двумя прозаиками пишет Л.Р. Гарапшина в статье «Г. Ибрагимов о творчестве Ф. Амирхана» [4]. Она указывает на Ибрагимова, как на сторонника и защитника тех, кто породил это бедствие, т.е. на руководителей республики. Напротив, Ф. Амирхан обвинил республиканские власти в бездарном и корыстном поведении. Позднее в книге «Галимджан Ибрагимов. Краткий очерк жизни и творчества» М. Хасанов пишет [28. С. 20], что повесть Г. Ибрагимова в своё время была справедливо подвергнута критике, да и сам автор её больше не переиздавал и не включал в сборники своих произведений. Он считает, что в ней преобладают натуралистические зарисовки ужасов голодных лет.

В монографии М. Хасанова «Галимджан Ибрагимов» говорится о том, что писатель, задавшись целью показать страдания трудящихся масс, детально описывая психологию отчаявшихся крестьян, тем самым создавая ужасные картины голода, «не смог отразить в широком социально-историческом плане

корни бедственного положения крестьян». Продолжая свои рассуждения, исследователь пишет: «Г. Ибрагимов на голод смотрит несколько узко, лишь под углом зрения того, как он калечит души людей» [27. С. 295]. По его мнению, писатель создает безотрадные картины от непонимания принципов социалистического реализма, у него отсутствует революционный пафос при описании трагедии, поэтому книга погружает читателя в мрак смертей и излишне грубый натурализм [10. С. 24].

М. Хасанов, присоединившийся частично к ранее высказанным негативным оценкам литературоведов, в монографии «Галимджан Ибрагимов» (1977) подробно анализирует творческий путь писателя и делает вывод о том, что упреки, высказанные ему, далеки от истины. В «Людах» показаны трагические события голода, разыгравшиеся в условиях, когда тяжкое наследие царского режима и непрекращающиеся войны привели деревню к полному упадку, и именно отсюда проистекают масштабы и последствия стихийного бедствия. В 1980-е гг. настолько еще прочно владели сознанием литературоведов идеологические установки соцреализма, что в очередной книге, посвященной жизни и творчеству Г. Ибрагимов, ученый все еще сетует на то, что в повести не показана действительность в положительной перспективе развития [30. С. 184]. В его же статье «Талант на службе революции», опубликованной в сборнике трудов научной конференции, посвященной 90-летию Г. Ибрагимов «Писатель, революционер, учёный» (1980), указывается, что повесть Ибрагимов «Люди» служит примером того, как «художественное отражение новой действительности не могло обойтись без осечек и творческих издержек».

Как видим, идеологические «шоры» соцреализма не дали возможности современникам писателя и исследователям последующих десятилетий дать правильную оценку одному из самых ярких и заслуживающих внимания произведений Г. Ибрагимов, да и всей татарской литературе 1920-х гг.

Идеологизированные оценки художественного наследия исчезли лишь в 1990-е гг. Особого внимания в свете сказанного заслуживают раздумья о произведении, принадлежащие современному татарскому поэту Р. Зайдулле, который отметил, что в повести «Люди» Г. Ибрагимов, «описывая ужас голода», принял судьбу своего народа всей душой [9]. Именно по этой причине писатель не мог не изобразить трагедию 1921 г., пережитую татарским народом. Основная задача автора здесь – правдиво отразить реальность, а не искать причины голода. Делать какие-либо выводы в художественном произведении писатель не должен. Это работа литературоведов, социологов, тех, кто за художественными образами, за описанными ужасами уловят главную цель творца – увидеть и отобразить трагическую эпоху такой, каковою она и была на самом деле. Мораль бывает лишь в баснях.

Самого пристального внимания среди «запрещённых» его произведений, по мнению Р. Зайдуллы, заслуживает повесть «Люди», поскольку Г. Ибрагимов в ней не приукрашивая реальность, описывает татарскую деревню, испытавшую беспощадную булаву «военного коммунизма» и всю жестокость проведённой большевиками продразвёрстки. Таким образом, изнурённые голодом деревни, обречённые на полное вымирание и безнадежно ожидающие продовольственной помощи со стороны, стали типичным явлением 1921–1922 гг. Голодающие умирают на дорогах страны, уезжая из деревни в поисках хлеба насущного, попрошайничают, исчезают насовсем. Люди убивают себе подобных с целью продлить своё существование, и эти явления стали обыденными, распространенными в Поволжье. Г. Ибрагимов воссоздал художественными средствами ужасы, происходившие в деревнях.

Анализируя первый и откорректированный варианты повести Г. Ибрагимов «Люди», Фарит Баширов (1958–2009) приходит к выводу о разрушительной силе голода, сокрушившего изнутри все нравственные и морально-этические принципы, которые позволяли людям жить в мире, согласии и взаимоуважении [2. С. 172]. Утрата этих принципов ведёт человечество к беде, и Г. Ибрагимов пытается предупредить, остановить людей, чтобы подобные чудовищные трагедии не повторялись в будущем. Бедствие 1921 г. сильно ухудшило демографическое положение татарского народа. Крестьяне, изнурённые голодом и холодом, вынуждены были покидать свои родные места. Как отмечает Ф. Баширов, «если на сегодняшний день в Татарстане проживает только четверть татар, то одна из причин такого положения кроется в этих трагических событиях» [1. С. 128]. Голод 1921 г. нанёс непоправимый вред демографии народа, разрушил генофонд татарского народа. Об этом говорится в работах А. Сахапова, который отметил, что голод нанёс огромный урон татарскому народу, люди бежали из республики куда глаза глядят, чтобы спастись с семьями от голодной смерти [18. С. 324-325]. Две трети татар проживает теперь за пределами Татарстана, и основной виновник этого – голод 1921 г. Безусловно, республика понесла невосстановимый урон из-за бездарности и отсутствия собственной решающей воли у её руководителей той поры. Ограбивши продразвёрсткой свой народ, выдавши на

гора необходимые Москве цифры по хлебосдаче, власть имущие Татарской Республики разрушили татарское ядро национального региона. Порождённые тогда проблемы и сейчас акупаются жителям многонационального Татарстана, в котором искусственно и таким жестоким образом была разгромлена национальная идентичность.

Вопрос «Кто виноват?» собирает в один узел совершённые преступления и все нити литературного сюжета повести. В книге «Исхакый и татарская литература XX века» А. Сахапов ищет ответ на этот вопрос. Он проклинает тех, кто довел людей до скотского состояния. Именно власти уничтожили цвет татарской интеллигенции продразвёрсткой, политикой военного коммунизма довели собственный народ-кормилец до голода.

Сравнивая с произведениями Гаяза Исхаки повесть Г. Ибрагимова «Люди», вызвавшую шок у читателей своей «невиданной ранее реалистичностью, которую разные специалисты называли ещё и натурализмом», А. Сахапов, приходит к выводу о том, что здесь продолжается трагический лейтмотив драмы Г. Исхаки «Дулкын эчендә» («Среди волн», 1920), представленный «своей тревожной сущностью, публицистическим пафосом и правдивым описанием страшной реальности». Говоря о повести Г. Исхаки «Исчезновение через 200 лет» (1904), где описывается исчезновение татар как нации, ученый вспоминает произведение Г. Ибрагимова, также проникнутое духом спасения народа от вымирания. Лейтмотивом этих повестей является призыв к борьбе. Таким образом, по мнению А. Сахапова, оба писателя создали «национальные произведения, которые помогли спасти татарский народ от вымирания» [18. С. 324].

Возвращение в татарскую литературу повести «Люди» даёт возможность глубже и правильнее оценивать литературу 1920-х гг. На этой мысли акцентирует внимание профессор Ф. Мусин (1939–2009), по мнению которого, изучение этого произведения «Люди» «...нужно и важно не только для творчества Г. Ибрагимова, но ещё для научно правильного изучения в целом татарской литературы 20-х годов», поскольку оно значительно восполняет представления о данной литературной эпохе [13].

Фоат Галимуллин, воспринимая описание Ибрагимовым тяжелых последствий социального бедствия как «смелость, героизм», считает повесть не только реалистическим произведением, но и романтическим: «если говорим о романтизме в этой повести, то только в тех местах, где люди ограничивают жизнь других себе подобных с целью продлить свое дальнейшее существование <...> Краски романтизма в «Людах» очень черные, страшные, вызывают чувство брезгливости, отвращения» [7. С. 157].

Отметим, что ранее подобные мысли высказывал литературный критик Фатхи Бурнаш (1898–1942) [3. С. 189]. Он обозначил появление в татарской литературе начала 20-х гг. произведений, порождённых чудовищным голодом, в которых на переднем плане были излишне романтизированные страдания людей.

Оценивая отрицательные рецензии произведения Г. Ибрагимова, написанные критиками Г. Нигмати и Ш. Усмановым, Ф. Галимуллин делает такой вывод: «Если в повести справедливо и честно показать причины обрушившегося голода, как требовали Г. Нигмати и Ш. Усманов, то это будет не в пользу власти и руководителей Татарстана. Г. Ибрагимов прекрасно это понимал. Он переживал за судьбу своего народа и не мог не изобразить в произведении трагедию голодных лет, только старался делать это, не влезая в политику партии большевиков» [6. С. 171].

Творческая и общественная деятельность Г. Ибрагимова всегда была в центре внимания исследователей. Сегодня обнаруживаются новые интересные факты жизни и творчества «самого большого художника нашей литературы» [5. С. 117]. В словаре «Литература народов России: XX век» (2005) поэт, литературовед Виль Ганиев (1934–2005), отмечая ведущее место Г. Ибрагимова в татарской литературе, пишет, что «голод в Поволжье 1921–1922 годов запечатлен в татарской литературе, как трагедия тысяч людей», у Г. Ибрагимова «в 1923 году вышла <...> книга «Людишки» о голоде в Поволжье» [12. С. 262, 273], – яркое подтверждение тому.

Среди современных исследований повести Г. Ибрагимова необходимо упомянуть о кандидатской диссертации З. Саляховой, в которой некоторые произведения писателя анализируются как натуралистические. В её работе изучены виды, функции и эстетические особенности натурализма в рассказе «Изгнание шакирда Заки из медресе» и в повести «Люди». Акцентируется внимание на доминировании в последней таких черт натурализма, как физиологизм и биологизм [17. С. 17]. По мнению З. Саляховой, в повести «Люди» центральное место занимает человек, общество и проблема их взаимоотношений.

В недавно опубликованной книге «Галимджан Ибрагимов» изложены неизвестные и малоизвестные факты из разносторонней деятельности писателя. В справке на Г. Ибрагимова с грифом «Совершенно секретно», составленной неким Веверсом, даются показания З.Я. Галеевой от 16.03.1937 г. Здесь говорится о том, что «в 1923 году <Г. Ибрагимов> выпустил книгу о голоде в татарской деревне «Адамляр», где борьба Советской власти с голодом показана извращённо, ответработники-комиссары сами едят жирно, а народ умирает с голода [5. С. 37]. В протоколе допроса Гали Гумер о Г. Ибрагимове сказал следующее: «В 1922 г. Ибрагимовым написана небольшая повесть «Адәмнәр» («Люди»), в которой изображаются картины, ужасы голода (людоедство), но совершенно замалчивается помощь советской власти голодающим. Один из героев повести – средний крестьянин – под видом голодного бреда прямо клеветает на Ленина, на советскую власть» [5. С. 139].

Повесть Г. Ибрагимова не утратила актуальности по сей день, о чём свидетельствует повышенное внимание к ней со стороны современных исследователей. В статье Р.Ф. Харрасовой «Г. Ибрагимовның “Адәмнәр” фажигасе» («Трагедия “Люди” Г. Ибрагимова») сформулирована мысль о влиянии дурного примера людоедства на окружающих. Она считает, что стремление каждого голодного выжить любой ценой, даже ценой жизни себе подобных, тлетворным образом сказывается на состоянии всего человеческого сообщества, которое деградирует, теряя свою духовную сущность.

Важным событием в татарском литературоведении стало издание академического собрания сочинений Г. Ибрагимова в пятнадцати томах, в третий том которого (2018) включена повесть «Люди».

Один из продуктивных путей исследования повести нам видится в рассмотрении её с точки зрения предельного художественного обобщения изображённых в ней картин. Художественное видение исторических фактов является результатом глубокого, философского анализа писателем мира и человека.

Наше стремление увидеть и осмыслить колорит эпохи через противоположные трактовки одного и того же художественного произведения различными критиками позволяет продемонстрировать, как и чем жили литературоведы той далекой и сложной поры и сколь непросто было быть честным писателем, который рискуя своей жизнью, публиковал честные произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әдәби мирас (Литературное наследие). Книга IV. Казань: Таткнигоиздат, 1997. 243 с.
2. Баширов Ф. Егерме беренче ел авазы (Эхо двадцать первого года) // Казан утлары (Огни Казани). 1991. № 1. С. 171-173.
3. Бурнаш Ф. Әдәбият һәм сәнгать турында. Мәкаләләр һәм рецензияләр (О литературе и искусстве. Критические статьи, рецензии). Казань: Таткнигоиздат, 1978. 240 с.
4. Галимджан Ибрагимов и современный мир: материалы научной конференции, посвящённой 115-летию Г. Ибрагимова. Казань: Изд-во «Фикер», 2002. 272 с.
5. Галимджан Ибрагимов: документы и факты; Галимджан Ибрагимов глазами молодых / [авт.-сост. М.Х. Ибрагимов]. Казань: Тат. кн. изд., 2012. 336 с.
6. Галимуллин Ф. Әле без туганчы (Пока мы не рождены ...). Казань: Таткнигоиздат, 2001. 320 с.
7. Галимуллин Ф. Эстетика һәм социологизм. Казань: «Магариф», 1998. 223 с.
8. Губайдуллин Г. Новые произведения Галимджана Ибрагимова // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1-2. С. 65-67.
9. Зайдулла Р. Ачлык – патша күләгәсендә (Голод – наследие царизма) // Идель. 1990. № 8. С. 9-10.
10. Ибрагимов Г. Әсәрләр (Произведения): в 8 тт. Т. I: Рассказы. Казань: Таткнигоиздат, 1974. 511 с.
11. История татарской советской литературы. Очерки. Казань: Таткнигоиздат, 1960. 638 с.
12. Литература народов России: XX в.: словарь / Отв. ред. Н.С. Надярных. М.: Изд-во «Наука», 2005. 365 с.
13. Мусин Ф. Без белгән һәм беләсе Ибрагимов (Известный и неизвестный нам Г. Ибрагимов) // Мәдәни жомга. 1997. 1 мая. С. 6, 8.
14. Мэргән Адәмнәр (Люди) // Башкортостан. 1924. 16 янв.
15. Нигмати Г. Әдәбият мәйданында (В литературном мире). М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. 111 с.
16. Нигмати Г. Адәмнәр (Люди) // Рабочий. 1924. 2 фев.
17. Салыхова З.Г. Натурализм в творчестве Г. Ибрагимова: автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 2004. 17 с.
18. Сахапов А. Исхакый һәм XX гасыр татар әдәбияты (Исхаки и татарская литература XX века). Казань: Таткнигоиздат, 1997. 528 с.
19. Тулумбайский Г. Адәмнәр (Люди) // Татарстан. 1924. 9 янв.

20. Усманов Х. Егерменче еллар татар поэзиясе (Татарская поэзия XX века). Казань: Таткнигоиздат, 1964. 397 с.
21. Усманов Х. Олы юлга чыкканда (Начало большого пути). Казань: Таткнигоиздат, 1982. 256 с.
22. Усманов Ш. Адәмнәр (Люди) // Наш путь. 1924. № 3. С. 149-150.
23. Халит Г. Галимджан Ибрагимов: жизнь и творчество // Ибрагимов Г. Избранные произведения. Казань: Таткнигоиздат, 1957. С. 7-31.
24. Халит Г. Герои, рожденные революцией. К проблеме героя и метода татарской советской литературы. Казань: Таткнигоиздат, 1967. 232 с.
25. Халитов Г. М. Тормыш һәм ирек жырчысы. М. Гафуриның тормышы һәм ижаты турында очерк (Певец жизни и свободы. Очерк о жизни и творчестве М. Гафури). Казань: Таткнигоиздат, 1980. 183 с.
26. Халитов Г. Развитие эстетических взглядов Г. Ибрагимова после октябрьской революции // Писатель, революционер, учёный. Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию Г. Ибрагимова. Казань: Таткнигоиздат, 1980. С. 102-113.
27. Хасанов М. Галимджан Ибрагимов. Казань: Таткнигоиздат, 1969. 431 с.
28. Хасанов М. Галимджан Ибрагимов. Краткий очерк жизни и творчества. Казань: Таткнигоиздат, 1966. 432 с.
29. Хасанов М. Галимджан Ибрагимов: тормышы һәм ижат юлы (Галимджан Ибрагимов: жизнь и творчество). Казань: Таткнигоиздат, 1964. 332 с.
30. Хасанов М. Писатель, учёный, революционер. Страницы жизни и творчества Г. Ибрагимова. М.: Наука, 1987. 317 с.

Поступила в редакцию 21.01.2020

Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»» 420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31
E-mail: ama201289@yandex.ru

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-909-917

M.A. Akhmetova

THE TOPIC OF FAMINE IN THE STORY “АДӘМНӘР” (“PEOPLE”) BY G. IBRAGIMOV: CRITICAL AND LITERATURE STUDY INTROSPECTION

The story of Galimjan Ibragimov “People” in different eras was evaluated by literary scholars from various points of view. From the middle of 1920s–1930s – vulgar-sociological treatments formed a basis to exclude the story from the Tatar literature history for many years. After the long-term period of concealment, in 1950s–1970s excessively naturalistic descriptions, not very sustained ideological and art orientation of the story, existence of passive humanity in it and misunderstanding of the principles of socialist realism became an object of criticism. Different views and estimates appear during the perestroika years, uncensored chaos in literature, art when all “forbidden” works began to be published, naturally causing a wide response of experts. Modern studies convince that the story of G. Ibragimov has not lost its relevance to this day, both from the standpoint of historical and literary, and from a purely aesthetic one. The comparative analysis of literary works of different eras about hunger made it possible to feel the influence of time on aesthetic interpretations: from vulgar sociology, through the Procrustean bed of socialist realism and naturalism to the objective characteristics of pieces of art in the works of scholars of the late XX – early XXI centuries.

Keywords: G. Ibragimov, story “People”, famine of 1921, Tatar literature, ideological “blindness” of socialist realism, literary process of the 20s–30s of the XX century, naturalism.

REFERENCES

1. Literaturnoe nasledie. Kniga IV [Literary Heritage. Book IV]. Kazan': Tatknigoizdat, 1997. 243 s. (In Tatar).
2. Bashirov F. Ekho dvadcat' pervogo goda [Echo of the 21st century] // Ogni Kazani [Kazan lights]. 1991. № 1. S. 171-173 (In Tatar).
3. Burnash F. O literature i iskusstve. Kriticheskie stat'i, recenzii [About literature and art. Critical articles, reviews]. Kazan': Tatknigoizdat, 1978. 240 s. (In Tatar).
4. Galimdzhan Ibragimov i sovremenniy mir: materialy nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 115-letiyu G. Ibragimova [Galimdzhan Ibragimov and modern world: materials of scientific conference devoted to G. Ibragimov's 115's anniversary]. Kazan': Izd-vo «Fiker», 2002. 272 s. (In Russian).

5. Galimdzhan Ibragimov: dokumenty i fakty; Galimdzhan Ibragimov glazami molodyh [Galimdzhan Ibragimov: document's and facts; Galimdzhan Ibragimov from the young people's point of view] / [avt.-sost. M. H. Ibragimov]. Kazan': Tat. kn. izd., 2012. 336 s. (In Russian).
6. Galimullin F. Poka my ne rozhdeny ... [Before we were born...]. Kazan': Tatknigoizdat, 2001. 320 s. (In Tatar).
7. Galimullin F. Estetika hëm sociologizm [Aesthetics and sociologism]. Kazan': «Magarif», 1998. 223 s. (In Tatar).
8. Gubajdullin G. Novye proizvedeniya Galimdzhana Ibragimova [Galimdzhan Ibragimov's new works] // Vestnik nauchnogo obshchestva Tatarovedeniya [Herald of Tatar studies scientific society]. 1925. № 1-2. S. 65-67 (In Russian).
9. Zajdulla R. Golod – nasledie carizma [Famine – heritage of tsarism] // Idel' [Idel]. 1990. № 8. S. 9-10 (In Tatar).
10. Ibragimov G. Proizvedeniya: v 8 tt. T. I: Rasskazy [Works: in 8 volumes, V. I: Short stories]. Kazan': Tatknigoizdat, 1974. 511 s. (In Tatar).
11. Istoriya tatarskoj sovetsoj literatury. Oчерki [The history of Tatar soviet literature. Features]. Kazan': Tatknigoizdat, 1960. 638 s. (In Russian).
12. Literatura narodov Rossii: XX v.: slovar' [Literature of Russian peoples] / Otv. red. N.S. Nadyarnyh. M.: Izd-vo «Nauka», 2005. 365 s. (In Russian).
13. Musin F. Izvestnyj i neizvestnyj nam G. Ibragimov [Known and unknown G. Ibragimov] // Kul'turnaya pyatnica [Cultural Friday]. 1997. 1 maya. S. 6, 8 (In Tatar).
14. Mergen Lyudi [People] // Bashkortostan [Bashkortostan]. 1924. 16 yanv. (In Tatar).
15. Nigmati G. V literaturnom mire [In literary world]. M.: Central'noe izdatel'stvo narodov SSSR, 1925. 111 s. (In Tatar).
16. Nigmati G. Lyudi [People] // Rabochij [Worker]. 1924. 2 fevr. (In Tatar).
17. Salyahova Z.G. Naturalizm v tvorcestve G. Ibragimova: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Naturalism in G. Ibragimov's works: extended abstract of dissertation in philology]. Kazan', 2004. 17 c. (In Russian).
18. Sahapov A. Iskhaki i tatarskaya literatura XX veka [Iskhaki and Tatar literature of the XX century]. Kazan': Tatknigoizdat, 1997. 528 s. (In Tatar).
19. Tulumbajskij G. Lyudi [People] // Tatarstan. 1924. 9 yanv. (In Tatar).
20. Usmanov H. Nachalo bol'shogo puti [The beginning of the big way]. Kazan': Tatknigoizdat, 1982. 256 s. (In Tatar).
21. Usmanov H. Tatarskaya poeziya XX veka [Tatar poetry of the XX century]. Kazan': Tatknigoizdat, 1964. 397 s. (In Tatar).
22. Usmanov SH. Lyudi [People] // Nash put' [Our way]. 1924. № 3. S. 149-150 (In Tatar).
23. Halit G. Galimdzhan Ibragimov: zhizn' i tvorcestvo [Galimdzhan Ibragimov: life and art] // Ibragimov G. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Kazan': Tatknigoizdat, 1957. S. 7-31. (In Russian).
24. Halit G. Gerои, rozhdyonnye revolyuciej. K probleme geroya i metoda tatarskoj sovetsoj literatury [Heroes born by revolution. To the issue of hero and method of Tatar soviet literature]. Kazan': Tatknigoizdat, 1967. 232 s. (In Russian).
25. Halitov G.M. Pevec zhizni i svobody. Oчерk o zhizni i tvorcestve M. Gafuri [The singer of life and freedom. Features about life and art of M. Gafuri]. Kazan': Tatknigoizdat, 1980. 183 s. (In Tatar).
26. Halitov G. Razvitie esteticheskikh vzglyadov G. Ibragimova posle oktyabr'skoj revolyucii [The development of G. Ibragimov's aesthetic views after the Russian revolution] // Pisatel', revolyucioner, uchyonyj. Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 90-letiyu G. Ibragimova [The writer, revolutioner, scientist. Materials of scientific conference devoted to G. Ibragimov's 90s anniversary]. Kazan': Tatknigoizdat, 1980. S. 102-113. (In Russian).
27. Hasanov M. Galimdzhan Ibragimov [Galimdzhan Ibragimov]. Kazan': Tatknigoizdat, 1969. 431 s. (In Russian).
28. Hasanov M. Galimdzhan Ibragimov. Kratkij oчерk zhizni i tvorcestva [Galimdzhan Ibragimov. Short features of his life and work]. Kazan': Tatknigoizdat, 1966. 432 s. (In Russian).
29. Hasanov M. Galimdzhan Ibragimov: zhizn' i tvorcestvo [Galimdzhan Ibragimov: life and work]. Kazan': Tatknigoizdat, 1964. 332 s. (In Tatar).
30. Hasanov M. Pisatel', uchyonyj, revolyucioner. Stranicy zhizni i tvorcestva G. Ibragimova [Writer, scientist, revolutioner. G. Ibragimov's life and work pages]. M.: Izd-vo «Nauka», 1987. 317 s. (In Russian).

Received 21.01.2020

Akhmetova M.A., Candidate of Philology, Senior research associate
in Laboratory of the multiple-factor humanitarian analysis and cognitive philology
Federal research center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
Lobachevskogo st., 2/31, Kazan, Russia, 420111
E-mail: ama201289@yandex.ru